

УДК 101.1 : 316

ББК 87.6

Ш 16

А.Ю. Шадже

Северокавказское общество: теория и методология исследования

(Рецензирована)

Аннотация:

В статье для обсуждения предлагаются некоторые методологические и теоретические положения, на которых должно основываться осмысление северокавказского общества. Это анализ базовых предпосылок северокавказского общества, осмысление его в рамках постнеклассической науки, усиление междисциплинарности и полипарадигмальности, критическое использование концепций зарубежных исследователей, учет специфики региона и т.д. Проблема самоидентификации рассматривается как основа воспроизводства северокавказского общества при условии совмещения этнической, северокавказской и российской национальной идентичностей. Осмысление глобализационного воздействия на полиэтничное общество позволяет понять необходимость развития социокультурных ценностей традиционного общества.

Ключевые слова:

Северокавказское общество, системность, полипарадигмальность, междисциплинарность, полиэтничность, социокультурное разнообразие, идентичность, воспроизводство общества, ценность, традиция, новация, глобализация.

Северный Кавказ остается одним из наиболее значимых регионов как в геополитическом, георесурсном, так и в культурно-цивилизационном отношениях. В то же время Северный Кавказ считается сегодня самым проблемным российским регионом.

Перспективу развития северокавказского региона связывают (и это вполне оправданно) с политикой федерального центра в регионе. Однако практические шаги возможны, если исходить из понимания текущих реалий. А это требует новых идей, адекватной связи между теорией и повседневной социальной практикой, а также нового методологического инструментария. В связи с этим нам хотелось бы остановиться на ряде вопросов, касающихся изучения северокавказского общества, безусловно, не претендуя на исчерпывающие ответы. Возможно, они представят интерес для научной дискуссии.

1. Теоретические и методологические предпосылки исследования северокавказского общества. В отечественной и зарубежной со-

циальной науке нет концепции, анализирующей современные этносоциальные процессы и определяющей перспективы перехода региона к устойчивому развитию. Сложившиеся кавказоведческие концепции не раскрывают сути основных тенденций и противоречий российских трансформаций на Северном Кавказе. Имеющиеся исследования носят в основном описательный характер, что также не дает понимания региональных процессов в условиях ускоренного перехода к инновационной модели социального устройства жизни. Во многом это объясняется сложившейся классической методологической базой, стереотипом мышления о регионе, достаточно привлекательными этнографическими сюжетами, создавшими экзотический, геоэтнографический образ кавказского общества.

Представляется, что изучение северокавказского общества должно основываться на ряде методологических и теоретических положений.

Первое положение – анализ базовых предпосылок северокавказского общества. Это значит необходимо вписать его в родовые понятия – общество, полиэтничное общество, трансформирующееся (или модернизирующееся) общество и т.д. В этом плане важно отметить сложность и дискуссионный характер многих теоретических вопросов и понятий. Не вдаваясь в глубокий анализ, отметим, что традиционный понятийный аппарат, сложившийся в отечественной науке, не соответствует текущим реалиям и затрудняет исследование полиэтничного общества, в частности северокавказского. Так, следует сказать: хотя понятия «этнос» и «нация» находятся в фокусе акцентированного научного и политического интереса, тем не менее, нет однозначного ответа на вопросы: что такое этнос, что такое нация. Более того, в отечественной этнологии реальное содержание этноса подвергалось сомнению, т.е. ставился вопрос: этнос – миф или реальность?

Что же касается нации, то ориентация на развитие гражданской нации, к сожалению, слабо воспринимается в общественном сознании россиян, а в некоторых политических кругах порой встречает отторжение. Эти понятия нуждаются в уточнении, поскольку от их дифференциации зависит решение многих социальных и политических проблем.

Второе положение – усиление междисциплинарного подхода. Это представляется не только возможным, но и наиболее эффективным. Методологически корректная соотнесенность концепций, понятий, положений разных дисциплин позволяет рассмотреть одни и те же проблемы с различных точек зрения, способствует не только объективной оценке социальных процессов, но и осмыслению общества в контексте прошлого, настоящего и будущего. Междисциплинарный анализ, с одной стороны, выводит на целостное осмысление региона, направленное на определение путей развития. С другой стороны, такой подход дает холистическое видение проблемы, позволяет вписать его в контекст российских и глобальных изменений.

Третье положение – сочетание полипарадигмального подхода к изучению северокавказского общества, синтез разных методологических ориентиров. Как отмечалось выше, исследовательские традиции отечественных кавказо-

ведов по-прежнему основаны на методологической базе лишь классической науки. В этом плане эффективно обращение к методам неклассической и современной, постнеклассической науки. В рамках постнеклассической науки возникает возможность понять и объяснить функционирование северокавказского общества как сложной нелинейной саморазвивающейся системы. К примеру, методологическая специфика синергетического анализа полиэтничного общества заключается в том, что он вскрывает механизм развития, указывая на наличие в обществе альтернативных путей его развития, а также показывает, что развитие носит необратимый характер. Отсюда следует несостоятельность постановки исследовательского вопроса восстановления прошлого. Сказанное не означает, что методология изучения северокавказского общества сводится лишь к синергетической парадигме. Представляется, что данный метод «работает» эффективно, если дополняется системным, диалектическим, информационным и иными подходами.

Безусловно, здесь необходимо учитывать особенности самой синергетической методологии к изучению общества как внеприродной системы. Как справедливо отметил М.С. Каган, отличительное качество социальной реальности – «зависимость соотношения сил порядка и хаоса в историческом процессе не только от объективных факторов и от случайностей, особенно действенных в состояниях бифуркаций, но и от свободы воли исторических деятелей, микро – и макрогрупп, а в определенных обстоятельствах и народных масс» [1]. Сказанное позволяет утверждать, что от деятельности человека зависит «стихийное или сознательное порождение хаоса» в обществе, а значит и само существование общества.

Поэтому есть основание считать, что стиль мышления, с одной стороны, определяет познание и переосмысление функционирования северокавказского общества, с другой – судьбу общества. Если линейное мышление разрушает общество, то нелинейное поддерживает его саморазвитие.

Четвертое положение – критический подход и аргументированное использование концепций, понятий и теоретических положений, выработанных зарубежными исследователями. Изучение проблем северокавказского общества

в строгих рамках определенных западных теорий вряд ли будет объективным, поскольку наша реальность не вписывается в эти рамки. Так, современные теории этноса (примордиалистские, инструменталистские, конструктивистские) не отражают сущностных характеристик этничности в современных условиях. Или, скажем, модели и сценарии зарубежных конфликтологов по урегулированию конфликтов на Северном Кавказе не приносят результатов, а порой оказываются совершенно не приемлемыми.

Заметны попытки нового осмысления и других региональных проблем в социально-гуманитарных науках постсоветского периода. Правда, предпринимающиеся попытки, как правило, сводятся к преломлению зарубежных концепций на российскую действительность.

Здесь важно вспомнить, что без учета специфики северокавказского общества и особенностей кавказской социокультурной среды теоретическое осмысление и практическое решение региональных проблем невозможно.

2. Определяющие факторы и особенности развития северокавказского общества. Традиционно считают, что развитие социума (или региона) и состояние межэтнических отношений определяет экономика. Между тем возникает вопрос: может ли культура, наряду с экономикой (и политикой), рассматриваться как определяющий фактор развития общества и/или региона?

Известно, что многие исследователи, следуя марксизму, отдают предпочтение экономике. Противоположная точка зрения, руководствуясь теорией М. Вебера, склоняется к культурному детерминизму. В этом вопросе мы следуем тому, что «взаимосвязи между экономикой, с одной стороны, и культурой и политикой, с другой, носят взаимодополняющий характер, как это происходит в отношении различных систем биологического организма» [2]. Перефразируя Р. Ингледарта, можно утверждать, что теоретическая модель, учитывающая культурные факторы, обладает гораздо большей актуальностью, ценностью и эффективностью и объясняет гораздо больший спектр изменений различных показателей, чем модель, опирающаяся лишь на экономику.

В данном контексте нам видится необходимость разработки инновационной модели

развития региона, в которой сохранилась бы философия кавказских народов и способствовала выявлению и использованию ценностного потенциала региональной культуры. Важным условием решения этой проблемы, по-видимому, является нахождение оптимальных форм модернизации, касающейся не только этнических культур, но и религий. Это должно вывести Северный Кавказ на новый уровень демократического развития: сохранение и развитие цивилизационного разнообразия при соблюдении прав человека.

Проблемы исследования северокавказского общества связаны с особенностями региона и со сложными процессами, происходящими в нем. В процессе выявления специфики общества важно определить элементы, из которых складывалось кавказское общество как нечто единое.

Отправным положением наших рассуждений является тот факт, что Кавказ является горной территорией и домом крайне оригинальных и ценных цивилизаций. Представляется важным отметить два положения. Первое – это взаимодействие природы и человека. Оно может быть выражено в ряде парадигм: привязанность человека к естественной среде, не враждебность человека к природе, а гуманное отношение к ней. Здесь формировалась культурно-экологическая особенность горного образа жизни кавказских народов и экологическое мировоззрение горцев. Тип отношения человека по отношению к природе был обусловлен исторически. Второе положение – взаимосвязь био- и этносоциокультурного разнообразия. Природное разнообразие повлияло на формирование структуры социальной системы кавказского региона. Этим во многом объясняется то этносоциокультурное разнообразие, которое сложилось в условиях горных и предгорных территорий Кавказа [3]. Итак, кавказское общество формировалось, разумеется, под влиянием определенных географических условий. В то же время это не означает, что его образование объясняется лишь своеобразием природных особенностей.

Историческая основа генезиса кавказской общности связана с понятием «образ жизни». Именно кавказским образом жизни порождены кавказский менталитет, духовные ценности и предопределены все стороны бытия человека:

миропонимание, мироощущение, традиционный миропорядок и т.д. Более того, на этой основе складывался механизм взаимопонимания кавказских этносов. На этой основе существовало северокавказское общество.

Ныне Северный Кавказ является сложнейшей, исторически сложившейся гео-, экономико-, политико-, социо-, этнокультурной системой, которая серьезно повреждена, но еще окончательно не погибла. В ее функционировании важная роль принадлежит этнокультурному разнообразию. Сущностью рассматриваемого сообщества является культура (этнические культуры) и ее базисные ценности. Несмотря на модернизацию северокавказского общества, этнический фактор продолжает играть важную роль в регионе. Этнокультурные традиции, составляя основу самобытности, остаются наиболее устойчивыми элементами в рассматриваемой системе. Ценность сущности культурной самобытности в ее социальном потенциале (это идеи диалога, толерантности, добра и т.д.). Именно поэтому в современной ситуации важно понимание эвристического потенциала этнического фактора и использование его в практической жизни.

Говоря о ценностном отношении к традициям, представляется возможным остановиться на двух положениях. Первое связано с ролью традиций в жизни человека и человеческих взаимоотношениях. Должны ли мы рассматривать традиции как абсолютную ценность, несопоставимую со всеми остальными ценностями? Или, может быть, традиции следует понимать как ключ к осмыслению и пониманию других ценностей северокавказского общества? А может традиции следует воспринимать как некую данную ценность, которая зависит от времени или других факторов?

Второе положение связано с социальным определением традиций. Являются ли традиции этнокультурным явлением? Как следует рассматривать традиции северокавказского общества в современных условиях: как специфическое проявление на определенном этапе исторического развития или как основа новации? Каково соотношение традиций и новаций?

Ответы на поставленные вопросы нацеливают нас на новое осмысление Северного Кавказа. С этим связано не менее важное теоретико-познавательное значение ответов, позво-

ляющих понять смысл системообразующих элементов регионального сообщества. Такой анализ нацелен также на преодоление традиционного фрагментарного, собирательного, описательного понимания рассматриваемого региона лишь как совокупности составляющих его этнических и конфессиональных образований.

Итак, переосмысление северокавказского общества позволяет понять, что на его функционирование, на социальное жизнеустройство народов активное влияние оказывает поддержание этнического фактора. Методологическое обстоятельство, помогающее в этом, – системное рассмотрение единства региональной культуры, ядром которой выступают традиционные ценности.

В процессе совместного проживания и взаимного сотрудничества северокавказские этносы выработали социокультурные ценности, можно сказать, своеобразную кавказскую (северокавказскую) идеологию. Это – ментальная совместимость различных человеческих сообществ, мирное сосуществование этносов и конфессий, осознание того, что разнообразие – это реальность жизни, умение понимать, доверять и помогать друг другу, ценить общение и сотрудничество. Пожалуй, эти ценности стали смыслом существования людей.

К сожалению, сегодня происходит ломка этих ценностей. В процессе трансформации и модернизации традиционного уклада жизни народов северокавказского общества исторически сложившееся региональное сообщество подверглось серьезной деформации. В последнее время стал нарастать динамизм в межэтнических взаимодействиях и отношениях в переходе от традиционных норм и форм жизни к инновационным. В регионе произошли серьезные изменения: эрозия традиционной культуры и морали, криминализация определенной части населения и т.д. Безусловно, сказались и российская имперская политика, и опыт депортации горских народов, поднявшие «высокую этническую алертность» (А.С. Панарин).

В северокавказском регионе, как и в современной России, много проблем, и трудностей немало. Между тем не следует использовать их для дихотомического противостояния «мы» – «они». Куда сложнее и важнее проявление научной и политической корректности и мудро-

сти, содействие взаимопониманию на основе диалога. Представляется, что российские исследователи-обществоведы своим словом могут и должны работать не на выявление «неполноценных» или «опасных» российских народов, а на взаимопонимание в нашем общем российском доме. Ведь слово, как и действие, может создать опасную ситуацию, довести напряженность до конфликта. Вероятно, нацеленность научных исследований на изучение причин современного кавказского имиджа, не делая кавказцев «объектом неприязни россиян», может способствовать смягчению напряженности среди российского населения.

3. Идентичность как основа воспроизводства и консолидации общества. Как известно, проблема самоидентификации является одной из проблем современной цивилизации. В современном общественном сознании ключевой остается проблема идентичности. С уверенностью можно сказать, что наблюдается настоящий взрыв интереса к этому феномену. В мировой социально-гуманитарной науке известно множество концепций, осмысливающих данный феномен. «Идентичность» согласно европейской философской традиции трактуется как всеобщность бытия. Данное понятие заимствовано отечественными исследователями из западной социальной науки. Считают, что идентичность наилучшим образом определена Эриком Х. Эриксоном, который рассматривает идентичность как сложное образование, имеющее многоуровневую структуру.

Понятие «идентичность» приобрело сегодня полипарадигмальный и междисциплинарный характер. Многие социальные дисциплины исследуют различные аспекты идентичности: этнология – этническую идентичность, политология – гражданскую идентичность и т.д. Раскрывая определенный аспект, частные науки не решают вопрос идентичности, т.е. не раскрывают его социальный смысл.

Не создана и социально-философская теория идентичности. В социальной теории К. Маркса и его последователей содержание идентичности, как известно, сводилось к классовому, что обедняло содержание рассматриваемого феномена и исключало возможность равноправного сосуществования различных видов идентичности.

Новому осмыслению идентичности способствуют теории М. Вебера, П. Бурдьё, П. Бергера, Т. Лукмана и других. Однако эти теории, в частности представления конструктивистов о социальной идентичности, не раскрывают существенных характеристик современной многоуровневой идентичности. В то же время идентичность несет в себе большой социальный потенциал, для изучения и использования которого необходимы новые идеи и исследовательские подходы, что позволяет осмыслить идентичность на разных уровнях (этническом, региональном и российском национальном) и определить основу их совмещения.

Говоря о содержании идентичности, заметим, что идентичность – специфическая категория социальной философии. Вопросы функционирования и развития любого общества могут быть объяснены через нее. Во-первых, социальная реальность возникает и существует в процессе совместной деятельности людей, объединенных общими целями. Известно, что существование социума, его воспроизводимость зависят от того, насколько решаются потребности людей. Между тем через активную деятельность людей проявляется человеческое «я» или «мы», т.е. процесс самоидентификации. Во-вторых, особенностью и одновременно потребностью любого человека является самоидентификация. Соотнося себя к определенной общности, к определенным социокультурным ценностям, человек определяет смысл своего существования. Он оценивает себя, сравнивает себя с другими, сравнивает культурные ценности.

Итак, первое напрашивающееся соображение: идентичность рассматривается нами как социальный феномен.

Идентичность приобрела множественный характер в современном мире. Это неудивительно, поскольку идентификация идентичности осуществляется по разным основаниям. Идентифицировать себя человек может на макро-, мезо- и микроуровнях. Человек вынужден всегда определять себя тем более в условиях постоянно меняющейся ситуации. Идентифицировать себя ему приходится постоянно, независимо от окончательной определенности той общности, к которой он себя относит. Ведь сама эта общность есть величина постоянно меняющаяся, как впрочем, и самоидентифици-

рующийся человек. Отсюда следует, что самоидентификация представляет собой открытый процесс. Идентичность является открытой системой, вбирающей в себя различные виды идентичности.

Идентичность не является некой исторической заданностью, имеющей статичный характер. Это подвижная категория, несмотря на то, что в ней сохраняется некоторое инвариантное содержание, определенное ментальностью народов того или иного общества. Новое понимание идентичности и выявление его социального потенциала возможны при рассмотрении ее социальных корней, связав культурно-исторический подход с особенностями конкретного общества, где она формировалась. В нашем случае такое осмысление возможно в рамках социокультурного пространства Северного Кавказа.

В коллективной монографии [4] нами проанализированы разные уровни идентичности: этнический, региональный, национальный, цивилизационный и геополитический. С учетом особенностей России и Северного Кавказа рассмотрены религиозная идентичность и трансформация идентичности в условиях активизирующейся глобализации. Безусловно, каждый уровень идентичности имеет свою специфику. И идентификационные критерии разных обществ имеют свои особенности. Скажем, в северокавказском обществе доминирующая роль этнического определяет значимость того или иного вида идентичности.

Этническая идентичность является видом социальной идентичности. Это способность человека ответить на вопрос «кто я?» по отношению к той или иной этнической общности. Этническая идентичность формируется в конкретном социокультурном пространстве и в конкретном обществе. Поэтому на формирование этнической идентичности оказывает влияние историческое время, «социально-исторический образ жизни», сложившийся в социуме. В целом этническая идентичность представляет собой систему, состоящую из взаимосвязанных компонентов. Это язык, идея, идеалы, ценности, историческая судьба и т.д.

Региональная (кавказская) идентичность в отечественной науке практически не исследуется, если не сказать, что она воспринимается лишь негативно в общественном сознании рос-

сиян. Отмечу, что основанием формирования кавказской идентичности служит наличие единой культурной общности на Кавказе, в частности на Северном Кавказе. Кавказская идентичность представляет собой духовную форму бытия народов кавказского сообщества. Она формируется на базе определенного образа жизни. Ее следует понимать как способность кавказских народов осознавать свое социокультурное единство, свою принадлежность к общему и целому кавказскому миру.

Проблема национальной самоидентификации сложна, и решается она по-разному в той или иной стране. Формирование надэтнической идентичности в полиэтничном обществе связана с определением ее содержания. Заметим, что в области изучения российской национальной идентичности в отечественной науке складываются определенные традиции. Проблема национальной идентичности в явном виде ставилась в рамках самоопределения нации, в поисках русской идеи. С одной стороны, шел поиск объединяющих компонентов для определения «кто мы, русские?» С другой – делалась попытка определения особого пути развития России.

В новой России неоднократно осуществлялись призывы и попытки искать «национальную идею», интегрирующую идею, но они оставались безуспешными. Переживаемый кризис национальной идентичности в современной России и остро ощущаемый в последние пятнадцать лет – это следствие неудачно проводимых радикальных реформ. В условиях динамично протекающих трансформаций самоидентификация становится объективной потребностью отдельных индивидов, социальных групп и общностей. Концептуальная интерпретация соотношения глобализации и модернизации, осмысление кризиса идентичности внутри России позволили В.Г. Федотовой определить, что в нашей стране «значимость проблемы идентичности сегодня больше, чем экономических проблем. Люди не знают, кто они и куда идут... Мультиидентичность и мультикультурализм плохо ложатся на травматический опыт посткоммунистической России» [5].

Несмотря на отсутствие вектора развития нашей страны (имеется в виду неопределенность социально-политического, социально-культурного, социально-экономического параметров), в области теории делаются попытки

изучения проблем идентичности. Актуализация процесса самоидентификации в российском обществе акцентировала внимание ученых и политиков на осмысление проблемы формирования национальной идентичности в России и полиэтничных российских регионах. Решение данной проблемы связано с разными культурными и цивилизационными ценностями в нашей стране. Важно подчеркнуть, что строительство национальной идентичности основано не на конфликте разных цивилизаций, а на сосуществовании, совместимости и диалоге разных цивилизационных ценностей. Более того, ее практическая значимость определяется необходимостью совмещения разных видов и уровней идентичности в условиях формирующейся гражданской нации.

Под российской национальной идентичностью можно понимать самоидентификацию с российской нацией, определение «кто мы?» по отношению к России. Важно заметить, что проблема формирования национальной идентичности особенно актуальна в современных условиях. Это связано, во-первых, с необходимостью сохранения целостности нашей страны. Во-вторых, культурная идентичность задает определенные параметры развития страны.

Формирование интегрирующего образа «мы – россияне» является сложной проблемой, решение которой связано с особенностями нашей страны – ее полиэтничностью и поликонфессиональностью. В определении российской идентичности, по крайней мере, следует учесть два положения. Первое связано с тем, что русские составляют в нашей стране абсолютное большинство. Российская идентичность не может игнорировать этот факт. Важно понять еще одну истину: русский народ – цементирующая сила России, а русский фактор должен быть определяющим в российской государственности. Важно понять и правильно определить место и роль русских в формирующейся новой идентичности.

Второе положение связано с тем, что определение рассматриваемого феномена не сводится лишь к русской идее, которая требует переосмысления в современной жизни, а также к этнической идентичности русских. Россия – полиэтничное государство, поэтому понятие «мы – россияне» должно вбирать в себя существующие в стране этнические и иные виды

идентичности. 17% российских граждан – не русские, и с этой реальностью нельзя не считаться. Поэтому сохранение и развитие России как целостного полиэтничного государства требуют совмещения этнической, республиканской, региональной идентичностей с национальной (государственной, российской) идентичностью.

Осмысление рассматриваемой проблемы на уровне регионального общества возможно через понимание социальных изменений последних лет в контексте общего процесса модернизации России и глобализации мира. Но важно учесть не менее важную сторону: необходим анализ социокультурной реальности, в которой формируется идентичность, осуществляется поиск своего «я» и «мы», а также соотношение себя с определенной общностью. Такой подход связан с рассмотрением общественного устройства региона, в понимании экзистенциального смысла которого важно учесть тот факт, что этнический фактор остается еще влияющей доминантой. Нельзя сказать, что на уровне северокавказского регионального сообщества предпринимаются активные меры по формированию образа «мы – россияне». Хотя эта проблема связана с общественно-политической жизнью страны и региона. Этот образ очень хрупок, трудно представляем еще на ментальном уровне населения. Поэтому он нуждается в концептуализации, понимании и выявлении его ценностного потенциала.

Для решения вопросов самоидентификации, являющихся поистине судьбоносными, важно формировать теоретический образ единого государства и чувство принадлежности к нему. Для этого важно концептуализировать понимание российским сообществом самого себя и своего места в глобализирующемся мире. Без теоретических представлений о рассматриваемой проблеме невозможно осуществлять практические шаги.

Региональная северокавказская общность имеет сложную структуру. Ее совмещение с многоуровневой идентичностью – непростая проблема. Представляется важным формирование у северокавказских народов понимания того, что рассматриваемый образ «мы – россияне» не нацелен на унификацию культур и культурных традиций на базе определенной социокультурной парадигмы. Более того, не может

быть человека вне определенной культуры, определенного этноса, определенной идентичности. В связи с этим, важно понимание того факта, что имеющиеся виды идентичности в северокавказском обществе не только не противостоят друг другу, а взаимодополняют друг друга. Основой сосуществования их могут стать социокультурные ценности, на основе которых могут развиваться этнические и региональные общности в составе российского полиэтничного и поликонфессионального российского общества.

4. Глобализационное воздействие на северокавказское общество. Известно, что глобализация оказывает влияние на каждое общество: трансформируются традиционные социокультурные ценности, доминирующими становятся ценности глобализирующегося мира. В связи с этим остановимся на феномене глобализации, обращая особое внимание на культурную глобализацию в северокавказском обществе.

Глобализация определяется достаточно противоречиво. Заметим, что с самого начала глобализация характеризуется как финансово-экономический феномен. Однако это не означает, что глобализация является исключительно экономическим явлением. Она охватывает все сферы человеческого бытия и ведет к формированию новой реальности, способствует пониманию единства взаимосвязанного и взаимозависимого мира. Глобализация оказывает влияние на все аспекты нашей жизни. В целом глобализация амбивалентна по отношению к жизни, что-то улучшается, что-то ухудшается; кто-то больше испытывает вызовы глобализации, а кто-то – меньше. Бесспорным является то, что она стала нашим образом жизни, мы находимся в ее объятиях.

Итак, глобализация представляет собой противоречивый процесс. С одной стороны, она открывает границы народам и государствам, соединяет их через знания, информацию, технологию, с другой – вызывает напряженность и конфликты, связанные с усилением роли индустриально развитых стран, которые вносят наибольший вклад в поддержание глобального миропорядка. Отсюда следует, и это отмечают специалисты, что сама глобализация представляет собой глобальную проблему, со-

державшую в себе большие перспективы и опасности, особенно в сфере культуры.

Поскольку глобализация представляет собой довольно противоречивое явление и современная глобальная ситуация в мире довольно противоречива и неопределенна, представляется необходимым определение смысла современной глобализации. Это важно еще и потому, что направление развития и вектор идентичности во многом зависят от характера глобализации. Специалисты отмечают, что современный этап глобализации имеет «искусственный» характер (К.Х. Делокаров). Она (глобализация) напоминает вестернизацию – или даже американизацию, ведь США сегодня остались единственной сверхдержавой, занимающей господствующие позиции на мировой арене в экономическом, культурном и военном отношениях.

Итак, промежуточный вывод, напрашивающийся после характеристики глобализации: на современном этапе глобализации мы ощущаем американизацию, ощущаем ее влияние явно, открыто и зачастую болезненно.

Культурную глобализацию следует рассматривать как сложный процесс, способствующий появлению специфических культурных моделей и культурных образцов. Они могут проявиться в повседневной жизни, поведении людей, в их деятельности и т.д. Одним словом, многое формируется под влиянием вызовов глобализации и ответов, получаемых на местах. И здесь важно отметить, по крайней мере, два положения. Первое – в культурном плане глобализация открывает доступ к плюрализму, то есть возможности выбора пути развития широки. И этот выбор зависит от уровня развития. Второе – глобализация оказывает влияние на идентичность, открывая путь к множеству идентичностей в глобальном мире. Однако американизация влечет за собой и негативные последствия, связанные с национальной и этнокультурной идентичностями.

Под воздействием активизирующейся глобализации происходит смена идентификационных маркеров. В мировой социально-гуманитарной науке существует множество сценариев формирования новых «синтетических» форм идентичности. При всей их несовместимости одно остается бесспорным – это то, что социокультурная реальность глобализирующегося мира меняется заметно. Особенно заметно

влияние глобализации на информационно-коммуникативную среду. Это ощущается и в северокавказском обществе. Именно поэтому сетевая культура заметно подрывает основы этнической, религиозной, региональной и национальной идентичностей.

Следует отметить, что картина культурной глобализации довольно сложна: от попыток совмещения глобального и локального до ее отрицания. Во многом эту картину считают продолжением (в более сильной и глубокой форме) модернизации. Глобализация предоставляет большую возможность в выборе, поскольку появляется плюрализм ценностей, образа жизни, идентичностей, веры и т.д. Здесь нет альтернативы: либо глобальное, либо локальное. В этих условиях оказываются совместимыми глобальное и локальное. Этот процесс именуется глокализацией.

Представляется, что естественная глобализация, становящаяся новым глобальным обществом не должны уничтожать культурные традиции, унифицировать их на базе социокультурной парадигмы. Наконец, глобализация никогда не породит «нового человека» вне культуры, или этноса, или нации, или цивилизации. В этом контексте вновь актуализируются традиционные вопросы взаимоотношения традиции и новации, общего и особенного. В то же время глобализация рождает новые формы взаимосвязи и взаимодействия народов, что связано с переосмыслением устоявшихся представлений о национальной и этнической идентичностях. Современная реальность требует введения в научный оборот новых понятий и освоения нового методологического инструментария, которые позволили бы понять происходящие процессы и найти новые модели цивилизационного развития.

Наконец, завершая размышления о глобализации в северокавказском обществе, обозначим важный (с точки зрения теории и с позиции практики) вопрос различения этнокультурного и культурного разнообразия, являющийся дискуссионным в отечественной и зарубежной науке. Действительно, в рамках формирую-

щейся культуры неоглобализма, признающей культурное многообразие как неперемное условие сохранения человечества, ставится вопрос: стоит прикрепить понятие «этнос» к понятию «культура»?

Соединяя эти понятия, нам представляется правомерным говорить о сохранении этнокультурного разнообразия. При этом предполагаем, что развитие этнических культур и воспроизводство этнических ценностей возможно не только по образу и подобию традиций.

Эта проблема актуальна для каждого полиэтничного общества и всего человечества. Решение этой проблемы является актуальным и для новой России. Необходимо продумать модель мультикультурализма в современной полиэтничной России. Представляется важным не требовать от людей, чтобы они забыли о своих этнических культурах и идентичностях, а способствовать их осознанию самого себя в качестве россиян. При этом не следует смотреть на этническую культуру и этнокультурные ценности народов, как на реликт, поскольку в сложной системе – создаваемой единой и демократической российской нации – системообразующими элементами останутся этносы.

Примечания:

1. Каган М.С. Синергетическая парадигма-диалектика общего и особенного в методологии познания разных сфер бытия // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М., 2002. С.40.
2. Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М., 1999. С.267.
3. Шадже А.Ю., Дамения О.Н. Динамика социокультурных трансформаций на Северном Кавказе // Социально-гуманитарные знания. М., 2002. №5. С.61.
4. Многоуровневая идентичность. З.А. Жаде, Е.С. Куква, С.А. Ляужева, А.Ю. Шадже. М.-Майкоп, 2006.
5. Федотова В.Г. Глобализация и российская идентичность // Глобализация и перспективы современной цивилизации. М., 2005. С.172.